

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДЕПОНИРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

2019 – 4

Издается с 1994 года
С 2014 г. выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

ДЕПониРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ, 2019, № 4

Отдел научно-библиографической информации

Отв. за выпуск: *Т.С. Кондратьева*

*Вывод текста осуществляется на лазерном
принтере с использованием пакета программ
«LARC» для ЭВМ «Хьюлетт-Паккард-3000»,
разработанного фирмой LARC Computing Inc., США*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН осуществляет депонирование научных работ по социальным и гуманитарным наукам.

Депонирование (прием научных работ на хранение, информация о них и высылка копий этих рукописей по запросам) организовано в целях ознакомления ученых и специалистов с трудами, которые нецелесообразно издавать большими тиражами обычными способами печати.

С 1994 г. ИНИОН издает приложение к библиографическим указателям «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам» под общим названием «Депонированные рукописи». Начиная с 1997 г. указатель выходит отдельной серией под названием «Депонированные научные работы».

В данный указатель включается информация о рукописях, депонированных в ИНИОН РАН, в отраслевых центрах информации России и органах научно-технической информации стран СНГ.

Систематизация осуществляется по рубрикатору, включающему 13 разделов: «Общие вопросы», «История. Археология. Этнология», «Культурология», «Литературоведение», «Науковедение», «Политология», «Правоведение», «Психология», «Религиоведение», «Социология», «Философия», «Экономика», «Языкознание». Внутри разделов материал расположен в алфавите авторов и заглавий. Описание рукописей производится в соответствии с ГОСТом 7.1–84 «Библиографическое описание документа: Общие требования и правила составления».

Начиная с № 11 за 2012 г., ИНИОН РАН публикует полные тексты отдельных депонированных работ и отдельные статьи из сборников научных статей.

БЕЛОВолоВА О.С., ШМАТОВА Е.С.

Страницы истории станицы Мелиховской на Дону // Социальные практики региональной истории XX века – Новочеркасск, 2017. – С. 3–13. – Библиогр.: с. 12–13. – Деп. в ИНИОН РАН 29.12.2017, № 61158.

История нашей Родины для каждого человека начинается с порога родительского дома, с родной улицы, села, района, города. Место, где мы родились, дорого нам на протяжении всей жизни. Оно невидимыми нитями притягивает к себе и не зная его историю, не помнить и не заботиться о нём нельзя. Изучение истории всегда актуально, а изучение истории развития малой родины несет большой теоретический и практический вклад в изучение истории страны. Поэтому настоящую публикацию мы посвятили страницам истории станицы Мелиховской, ныне расположенной в Усть-Донецком районе Ростовской области.

Мелиховская возникла в конце XVI в. как казачье поселение на Монастырском острове. Остров был окаймлен широкой полосой леса, кроны деревьев надежно скрывали городок от глаза врага, а омывающие остров воды Дона и

Акса́я были для врагов труднопреодолимой преградой, обеспечивали безопасность городка [1]. Немаловажное значение в выборе места для основания городка имел впадающий в Аксай в трех верстах от его выхода из Дона Керчик. Он дополнительно прикрывал подступы к острову с северо-востока, обеспечивал безопасность поселения.

Постоянные весенние паводки вынудили казаков, в конце концов, перебраться на берега Дона. Большинство казаков предпочли переселиться на правобережье, незначительная часть жителей переселилась на левобережье, в район, где ныне расположен хутор Кудиновский. Городок, перенесенный на правобережье, стал именоваться Большой Мелиховкой, перенесенный на левобережье – Малой Мелиховкой.

Соседство низовых казачьих городков с турецкой крепостью Азовом доставляло казакам много неприятностей. Поэтому в январе 1637 г. в столице войска Донского – Монастырском городке – атаманом Михаилом Татариновым был созван Казачий Круг, на который собралось 4400 казаков [2]. На Кругу было решено идти походом на Азов. Поход начался 21 апреля, выступили в него до 7 тыс. казаков: кроме донцов в этом предприятии принял участие

и отряд запорожцев. В июне 1637 г. казаки захватили Азов и удерживали его 5 лет, отбив все попытки турок вернуть крепость под свою власть. Лишь в 1642 г. казаки, взорвав оставшиеся крепостные сооружения и захватив с собой трофейные турецкие пушки, крепостные ворота и городские весы, оставили Азов.

В Азовском сидении принимали участие и казаки Мелихова городка. В частности, старожил станицы Прохор Петрович Лукьянов утверждал, что, по местным преданиям, «в походе на Азов, его взятии и «сидении» в нем принимали участие и казаки Мелихова городка, а в их числе и наш предок Василий Лукьянов. Из поколения в поколение в нашем роду передается сведение о том, что, когда началось сидение, то он был в крепости главным пушкарем и, что, когда по приказу царя казаки покидали Азов, по его инициативе мелиховцы вывезли оттуда в свой городок чугунную турецкую пушку для обеспечения безопасности поселения в случае нападения татар или турок. Пушка эта послужила казакам свыше ста лет. Так как казаки Лукьяновы в нескольких поколениях были пушкарями, то при составлении списков казаков, по годности подлежащих к участию в походах, многих из них записывали Пушкаре-

выми. Вот так появились в нашей станице Пушкаревы. Теперь многие из них и не ведают о том, что все они по сути лукьяновского роду» [3].

Не остались мелиховские казаки в стороне и от Отечественной войны 1812 г. Как и всё донское казачество, они дружно откликнулись на призыв Александра I встать на защиту Отечества. Свыше 400 казаков выставила станица Мелиховская в грозный для Родины час. Отправление казаков в поход организовали и возглавили полковник Киреев 3-й, подполковник Щербаков 1-й, войсковые старшины Воробьев и Нюхарев, есаул Щербаков 2-й, сотник Рубленков [4]. В ходе военной кампании 1812 года казаки приняли участие во всех крупнейших сражениях: под Смоленском, на Бородинском поле, у Малоярославца, на Березине. Победа над наполеоновскими полчищами была достигнута дорогой ценой. В ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода в Европу в 1813–1814 гг. погибло более 15 тысяч донских казаков – фактически каждый четвертый казак из отправившихся на войну. Следовательно, из 400 с лишним казаков Мелиховской станицы, отправившихся на защиту Отечества, в станицу не возвратились более 100 человек [5].

Участвовали казаки станицы Мелиховской и в Первой мировой войне. Но наиболее кровопролитной оказалась Гражданская война, поглотившая жизни более двухсот уроженцев станицы. Причем около сотни погибли в одночасье – в предпасхальный четверг 18 апреля 1918 г. [6]. Эта трагедия, по свидетельствам старожилов станицы, случилась следующим образом. Узнав из поступившего из станицы Каменской сообщения о том, что большевики приступили к установлению советской власти в станицах и хуторах, мелиховцы приняли решение направить на Бурсов рудник (ныне шахта Октябрьская) 3–4 сотни казаков, с тем чтобы воспрепятствовать проникновению красных отрядов в пределы Мелиховского юрта. Направить, однако, смогли не более 230–250 человек. Прибыв на рудник, они расположились в войсковых казачьих казармах, выставили посты. Прошло несколько дней, красные не появлялись. Но в предпасхальный четверг, именуемый в православном мире «чистым», на дороге, ведущей из Александровск-Грушевского в Мелиховскую и проходившей вблизи казарм, неожиданно показались красные конники. Казаки тотчас привели себя в боевую готовность, перекрыли дорогу. В последовавшем затем столкновении красные, якобы,

пошли на хитрость: они призвали казаков брататься, но когда те, поверив им, смешались с толпой красногвардейцев, последние бросились на мелиховцев с оружием [7]. Засверкали выхваченные из ножен шашки, загремели выстрелы из наганов и карабинов: первыми жертвами большевистского коварства стали казаки Демьян и Евген Вещевайловы, Яков и Николай Кутыревы, Викентий Садчиков, Алексей Донсков, Иван Гончаров, Андрей Титов, Илья Елесеев, Воробцов, Лепилин. Свыше 90 казаков Мелиховской станицы и хутора Карповского были убиты в тот день и столько же были ранены.

Погибли также несколько жителей Ягодинского и Сидоровского хуторов, случайно оказавшиеся на пути большевистского отряда. Случайной жертвой стал и казак Мелиховской станицы Николай Карташев, на иждивении которого находились престарелая мать, жена Гликерия Калюжина (вторая жена после смерти первой) и пятеро малолетних детей. В тот день он отправился на поиски оторвавшегося с привязи молодого быка. Домой не вернулся. Через несколько дней его нашли неподалеку от Сибирьбалки с рассеченной головой и пулевым отверстием в груди.

Однако, сколь бы ни тяжела и кровава была Гражданская война, она закончилась. В период НЭПа казаки станицы Мелиховской постепенно оправились от военного лихолетья, восстанавливали хозяйство. По утверждениям старожилов, НЭП был самым светлым временем за все годы советской власти. По свидетельству одного из старейших жителей станицы Г.С. Ермакова «в НЭПовский период мы жили как при царе, вся разница только в том и заключалась, что власть была другая – советская, и деньги были другие» [8].

Но со второй половины 1920-х гг. лидеры Коммунистической партии повели курс на слом НЭПа и на переход к сплошной коллективизации. В декабре 1927 года в Москве состоялся XV съезд ВКП(б), где было принято решение о коллективизации сельского хозяйства [9]. Фактически же коллективизация развернулась с конца 1920-х гг.

Во всех станицах и хуторах коллективизация проводилась в полном соответствии с установками, исходящими из Кремля, в самой грубой форме. Не стала исключением и станица Мелиховская. Коллективизация в ней началась, как и в других станицах и хуторах, с объявления самых трудолюбивых казаков «кулаками», «паразитами», «миро-

едами», «эксплуататорами». Они подверглись «раскулачиванию», в ходе которого проводилась конфискация движимого и недвижимого имущества, а затем депортирование (выселение) всей семьи в «края не столь отдаленные». Первое «раскулачивание» и депортация 30 семей станичников были проведены в феврале 1929 года в Прощенный день масленой недели в районы Северного Урала. Вслед за первой депортацией, в сентябре того же года и в таком же количестве семей, последовала вторая в районы Урала и Западной Сибири [10].

В станице были созданы колхозы «Путь к социализму» (1929 г.), «За власть Советов» (1930 г.), «Красный казак» (1933 г.). Организаторами строительства колхозов в станице были присланные из разных городов страны и области «уполномоченные по проведению коллективизации», местный совет и активисты. Поскольку желающих добровольно вступить в колхоз было мало, то загоняли в них насильно. Если казак отказывался подать заявление, то его на несколько часов, а то и дней, помещали в темный сырой подвал, чтобы он там «хорошенько подумал о необходимости вступления в колхоз». Принуждали к вступлению в колхоз и другими методами: ежедневными «визита-

ми» активистов, многочасовыми обысками, разграблением части имущества, угрозами полной конфискации движимости и недвижимости, водворения в тюрьму и выселения в Сибирь. Если и после нескольких конфискации казак отказывался подать заявление о вступлении в колхоз, к нему через несколько дней вновь приходили активисты и выбрасывали его семью на улицу. Так поступили с семьями Андрея Ермакова, Василия Старшинова, Михаила Лукьянова, Ивана Мерзлякова, Федора Жиркова и десятками других, подвергшихся вскоре выселению в северные регионы страны [11].

Но ни одна семья, пожалуй, не подверглась таким изощренным издевательствам, как семья казака Мефодия Монетова. Эти издевательства были обусловлены не столько нежеланием главы семьи вступить в колхоз, сколько тем, что новый кирпичный дом, в котором проживала семья казака, приглянулся одному из уполномоченных по проведению коллективизации. Сначала у Монетовых отобрали лошадей и быков, затем – сельхозинвентарь. Затем выгребли продукты питания, забрали швейную машину (чтобы кусок хлеба не смогли заработать), кровати (даже детские), забрали перины, одеяла, одежду, посуду, а через

неделю-другую главу семьи, его жену, шестерых детей и престарелых родителей вышвырнули из дома. Семья перебралась на житье в сарай. Но и оттуда через два дня семью выгнали на улицу и строжайше запретили Монетовым входить на свое подворье. Впрочем, семье Мефодия Монетова еще «повезло»: ее не депортировали. Семья нашла временный приют у близких родственников [12].

Всего за период коллективизации из станицы было выслано свыше 120 семей. Данные события стали коренным переломом в жизни станицы. Все понимали, что обратной дороги нет [13].

Вместе с тем, несмотря на присущие эпохе «великого перелома» многочисленные негативные явления, были в 1930-х гг. в жизни мелиховцев и позитивные сдвиги. Благодаря целенаправленным мероприятиям советской власти в Усть-Донецком (в то время – Раздорском) районе и, в том числе в станице Мелиховской, росла численность школ, библиотек, медицинских заведений. Так, к 1935 г. в районе насчитывалось 19 начальных школ, 3 неполные средние школы, 5 массовых библиотек (из них 2 детские с объемом книг 1725), 4 сельские больницы на 57 коек, 4 амбулатории, 2 фельдшерских пункта [14]. Тем самым росла гра-

мотность населения, усилилась забота о здоровье местных жителей.

Сложнейшим временем для жителей станицы Мелиховской стали годы Великой Отечественной войны. Мужчины ушли на фронт. Все тяготы трудовой и хозяйственной жизни легли на плечи женщин. Их помощниками стали подростки, дети-школьники и старики. Работали по 12–14 и даже по 16 часов в сутки, без выходных. Жили впроголодь. Месячного продовольственного пайка не хватало даже на неделю. Вместо хлеба получали по карточкам от 2 до 3 кг смеси отрубей, просяной шелухи и горсть муки, да и то не ежемесячно. Перебивались на картошке, жмыхе, кабаке (тыкве), бураке, выращиваемых на своем подворье. Обувки и одежды не было. Ходили в латаном старье. Обувкой для многих служили куски старых автопокрышек, стянутые веревками. Но на трудности никто не роптал. Все руководствовались общим для страны девизом: «Все для фронта! Все для победы!». Все были объединены общей идеей – выстоять и победить [15].

Пережили мелиховцы и дни оккупации. Станица была занята немцами 22 июля 1942 года. В ходе летнего (1942 г.) наступления гитлеровских войск на Сталинград, станица

неоднократно подвергалась бомбардировкам вражеской авиации. Налеты совершались, в основном, в дневное время. Главными объектами бомбардировок были паромная переправа через Дон, скопления живой силы и техники, зенитные батареи 18-го артдивизиона, прикрывавшие отход советских частей. Несколько десятков авиабомб немецкие легчики сбросили и на станицу. Разрушено и повреждено было до десятка домов, были и человеческие жертвы [16].

Период оккупации станицы немецкими захватчиками был непродолжительным. В ночь с 10 на 11 февраля 1943 г. станица была освобождена соединениями 5-й ударной армии. Первыми вошли в станицу отряды 1049 полка под командованием помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Т.С. Чучкалова при поддержке 3-го артдивизиона А.Д. Аввакумова. В ходе освобождения станицы погибли 8 советских воинов [17].

Кровопролитнейшая в истории человечества война с гитлеровской Германией стала суровым испытанием стойкости, силы и выносливости нашего народа, его физических и моральных качеств. И это суровое испытание он выдержал с честью. По имеющимся сведениям, на фронтах

Великой Отечественной войны погибло более 600 станичников [18].

Послевоенные десятилетия стали временем расцвета станицы. В это время развивалась экономика, укреплялись местные колхозы, развивались инфраструктура и социальная сфера. К середине 1980-х гг. в Усть-Донецком районе насчитывалось 14 школ, 6 больничных учреждений, поликлиника и амбулатория, 15 фельдшерско-акушерских пунктов, 16 клубов и 19 библиотек с книжным фондом более 200 тыс. экземпляров, 2 эстетических центра для детей и юношества [19].

Станица Мелиховская в данное время стала здравницей донских горняков [20]. Благополучие ее жителей заметно выросло. В 1961 г. в станице построили двухэтажную школу на 600 мест, в последующие два года Мелиховская была соединена с Шахтами и новым райцентром – Усть-Донецком – асфальтированной дорогой. Тогда же началось интенсивное строительство новых добротных кирпичных и деревянных домов, приведшее к постепенному исчезновению пустых подворий – печальных свидетельств сплошной коллективизации и голода 1932–1933 гг. [21]. В 1970-х гг. в личном пользовании мелиховцев насчитыва-

лось свыше 100 автомобилей и более 500 мотоциклов, свыше 70% жителей станицы имели телевизоры и стиральные машины; каждая третья семья обзавелась холодильником [22].

Так называемые реформы 1990-х гг. крайне негативно сказались на Мелиховской, как и на множестве других станиц, сел, деревень, хуторов России: развалились колхозы, сократились объемы производимой продукции, резко выросла безработица, падение уровня жизни повлекло за собой снижение рождаемости, а разрушение социальной сферы привело к росту заболеваемости и смертности. Тем не менее, в наши дни станица Мелиховская существует и преодолевает негативное наследие «лихих 90-х гг.».

К началу 2005 г. численность населения станицы Мелиховской составила 3347 человек. Число дворов в станице составляет 1300. Средний состав семьи – 2,5 человека. Рождаемость в течение первых лет XXI столетия была низкой, а смертность превышала рождаемость в 1,7 раза. Этнический состав населения неоднороден: здесь проживают представители 26 национальностей. Общая численность неславянского населения составляет свыше 300 человек.

По сравнению с 60-ми годами она увеличилась в 7,5 раз, а за столетие – в 40 раз [23].

Что касается инфраструктуры (совокупности строений, сооружений, всех систем и служб, необходимых для обеспечения жизнедеятельности), то в ней произошли заметные позитивные сдвиги: улучшилось состояние автодорог, построены новые. Поселок Керчикский, из которого в прежние годы в распутицу невозможно было выбраться, ныне соединен с ней добротной асфальтированной дорогой. В поселки Керчикский и Донские Зори подведены нитки газопровода. Многие квартиры газифицированы. Подведен газопровод и в станицу Мелиховскую.

Большим знаменательным событием в жизни станицы в 2005 г. стало открытие в ней в просторном двухэтажном здании новой врачебной амбулатории, оснащенной новейшим медицинским оборудованием. Также большим событием в жизни станицы в 2005 г. стали и выборы главы сельского поселения (станцы) и депутатов Собрания муниципального образования. На должность главы сельского образования (администрации) были выдвинуты кандидатуры: Иван Васильевич Молодшев (действующий глава администрации), Юрий Тимофеевич Удовкин, Василий Анд-

реевич Болдырев. В ходе проведенных выборов победу с большим перевесом по числу поданных голосов одержал Ю.Т. Удовкин [24].

Итак, станица Мелиховская, являясь одним из древних поселений Дона, прошла длительный исторический путь. На этом пути случалось всякое – и победы, и поражения, и радости, и горести. Важнейшие события отечественной истории не миновали станицу: казаки Мелиховской принимали участие во всех крупных войнах, которые вела Россия (Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, Великая Отечественная война), по ним разрушительным катком прокатилась ожесточенная Гражданская война и радикальные «военно-коммунистические» эксперименты большевиков, приведшие к голоду 1921–1922 гг. Немало станичников стали жертвами «раскулачивания», политических репрессий, страшного голода 1932–1933 гг. Крайне неблагоприятным для Мелиховской стало последнее десятилетие XX в., когда развал Советского Союза и бездумное копирование западного опыта радикал-реформаторами повергли в пучину бедствий множество граждан России и среди них мелиховцев. Но, вопреки всему, станица Мелиховская остается любимым домом для своих жителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Историко-краеведческое повествование в 2-х частях. Ч. 1. – Ростов н/Д., 2004. С. 5.
2. Савельев Е.П. История казачества. Ч. 3. Репринтное издание. Новочеркасск, 1916. – Ростов н/Д., 1993. С. 28.
3. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Ч. 1. С. 24.
4. Там же. С. 53.
5. Там же. С. 53.
6. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Историко-краеведческое повествование в 2-х частях. Ч. 2. – Ростов н/Д., 2005. С. 31.
7. Архив комплексно-краеведческого музея МБОУ МСОШ «Мелиховская средняя школа».
8. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Ч. 2. С. 34.
9. Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. М., 1982. С. 74.
10. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Ч. 2. С. 39.
11. Там же. С. 40, 41.
12. Там же. С. 41.
13. Там же. С. 42.
14. Чумакова Н.А. Усть-Донецкий [район Ростовской области] // Города и районы Ростовской области. Историко-краеведческие очерки / Науч. ред. А.М. Суичмезов. – Ростов н/Д., 1987. С. 295.
15. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Ч. 2. С. 53.
16. Там же. С. 54.
17. Там же. С. 54.
18. Там же. С. 54.
19. Чумакова Н.А. Усть-Донецкий [район Ростовской области] // Города и районы Ростовской области. С. 297.
20. Там же. С. 297.
21. Шевченко В.В. Станица сердцу дорогая. Ч. 2. С. 91.
22. Там же. С. 94.
23. Там же. С. 178, 179.
24. Звезда Придонья. Газета Усть-Донецкого района. 2005. 22 сентября.

Печатается в соответствии с решением Ученого Совета Южно-Российского государственного политехниче-

ского университета имени М.И. Платова (Новочеркасского политехнического университета) от 29 ноября 2017 г., протокол № 3.

Депонировано в ИНИОН РАН № 61158 от 29.12.2017 г.

ТЮЛИНА А.В.

Мировоззренческие основания концепции русской истории К.Д. Кавелина // Гражданско-правовая составляющая процесса социокультурной идентификации – Тверь, 2015. – С. 46–55. – Библиогр.: с. 54–55. Деп. в ИНИОН РАН 07.04.2015, № 61139.

Заслуга русского философа К.Д. Кавелина перед русской исторической наукой заключается в обосновании положения о необходимости возведения познания русской истории в ранг науки. Он верил в историю как науку, представлял само научное знание с точки зрения единства теории и фактов, теории и истории, теории и практики. Эта общая методологическая ориентация не могла не сказаться в его подходе к осмыслению реальных процессов общественно-исторического развития, в частности, русской истории.

Ученый подчеркивал, что без теоретического подхода, цельного взгляда нельзя не только связать разрозненные исторические факты, но и понять их смысл. Он разработал достаточно стройную и цельную схему истории России, пытался обнаружить и обосновать ее внутренние за-

кономерности, представить ход отечественной истории как развитие «народного организма», изменяющегося под влиянием природной среды и колонизации, церкви и православия, государства и народного сознания, внешних и внутренних политических сил. Он считал, «чтобы понять тайный смысл нашей истории, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходимы взгляд, теория. Они должны представить русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами. Явления ее должны быть поняты как различные выражения этих начал, необходимо связанные между собою, необходимо вытекающие одно из другого» [3, с. 10].

Главную опасность для исследований в области русской истории в 40-е годы Кавелин видел в распространении методологии эмпиризма [2, с. 50]. Истоки этой тенденции он связывает с утверждением в русской историографии критического метода исследования, наиболее крупным представителем которого в европейской науке был Б.Г. Нибур, поставивший под сомнение «баснословные», не опирающиеся на критический анализ источников представления об историческом прошлом. В России сначала А.Л. Шлецер, а затем Н.М. Карамзин (в примечаниях к

своей «Истории») дали первые образцы критического анализа источников; «скептическая школа» М.Т. Каченовского стала абсолютизировать данный аспект исторического исследования, а М.П. Погодин, будучи главным представителем официальной охранительной историографии, довел данную тенденцию до ее предельного выражения.

Начало творческой деятельности Кавелина в русской исторической науке совпало с тем временем, когда к «теориям и взглядам все охладели и потеряли доверие», а «некоторые ученые пошли дальше. Они объявили, что теория русской истории, другими словами – русская история как наука – невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты» [3, с. 8].

Кавелин резко отрицательно характеризовал и оценивал данную тенденцию, так как ее представители пытались занять монопольное положение в исследованиях по русской истории, а методологию эмпиризма объявили единственно правильным подходом к истории. Это была, по Кавелину, серьезная методологическая ошибка, состоявшая в том, что одной из необходимых сторон познания – изучению фактов – придавалось абсолютное значение.

Кавелин оказался фактически первым профессиональным историком, который работал с источниками и сумел при этом на их основе философски осмыслить прошлое страны, предложить «свою формулу русской истории» [Цит. по:10, с. 82]. Он указал на то, что «загадка» русской истории «до сих пор еще никем» не разгадана и для того, чтобы понять эту «загадку», русской историографии «необходима теория» [3, с. 8,10].

Как известно, в XIX веке одной из первых и самых значимых попыток философии русской истории явились «Философические письма» П.Я. Чаадаева, опубликованные в 1836 году в «Телескопе». Письмо П.Я. Чаадаева было воспринято современниками как «обвинительный акт» против России. По сути, он заявил, что Россия и Западная Европа развиваются на разных основаниях, ибо Россия не имела личностей, способных определить ее самобытно-прогрессивное движение, она страна «без прошедшего и будущего», для которой «исторический опыт ... не существует», а «общий закон человечества отменен по отношению к нам» [11, с. 111, 116–117].

Первыми вступили в спор с Чаадаевым славянофилы – А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. А К.Д. Кавелин продол-

жил дискуссию в статье «Взгляд на юридический быт древней России», напечатанной в журнале «Современник» за 1847 год и справедливо названной «манифестом западничества» [8, с. 20]. Теория русской истории Кавелина строится как опровержение «чаадаевской» пессимистической оценки истории. «Наша история, – замечает Кавелин, – представляет постепенное изменение форм, а не повторение их; следовательно, в ней было развитие» [3, с. 8]. В основе возражения «чаадаевскому» видению истории – мысль о развитии русского исторического процесса в качестве ключевой характеристики. Кавелин строит свою теорию русской истории как теорию развития общественно-исторической жизни русского народа [2, с.69].

Однако применение данного философско-методологического принципа в историческом исследовании, предполагающего рассмотрение истории с точки зрения развития, требует, согласно Кавелину, целого ряда существенных уточнений и ограничений. Во-первых, развитие не может рассматриваться в качестве универсальной характеристики способа существования человеческих обществ, это – особенная, специфическая черта западных обществ. «Восток» и «Запад» противопоставляются Кавелиным

именно по этому признаку: для Востока характерно устойчивое, стабильное существование, воспроизводство форм, для Запада – их развитие. Если русская история принадлежит Западу, то она предполагает изменение форм, а не повторение их, как было на Востоке, где, по мнению Кавелина, «с самого начала повторяется одно и то же, а если по временам и появлялось что-нибудь новое, то оно замирало или развивалось на европейской почве. В противоположность восточным народам русские – народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке» [3, с. 8]. Противопоставление «Восток – Запад» не является для Кавелина случайным: еще в рецензии на «Симбирский сборник» – в споре со славянофилами – он указывает на принадлежность русских славян к числу народов, история которых «представляет развитие, а не китайскую неподвижность» [6, с. 700].

Во-вторых, сам «Запад», по Кавелину, не является чем-то единым и однородным. Существует серьезное и глубокое различие между древними языческими и новыми христианскими народами. И те и другие содержали в себе потенциал к самосовершенствованию. Однако древние на-

роды находились еще в плену природы, были поработаны внешним материальным миром. «Христианство открыло в человеке и глубоко развило в нем внутренний, невидимый, духовный мир... Духовные силы человека, его стремления, надежды, требования, упования, которые прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христианством были сильно возбуждены и стали порываться к полному, безусловному осуществлению. Характер истории должен был совершенно измениться» [3, с. 14].

Различие между языческими и христианскими народами имеет у Кавелина двойкий смысл: 1) различие во всемирной истории между древностью и новым временем, 2) различие между «природной» и «духовной» формами в социально-историческом существовании вообще (в том числе – в жизни отдельного народа). Так первоначальный – кровный, родовой быт славянских племен – а практически и вся древняя русская жизнь до XVIII века целиком и частично развивались в форме природного существования. Родовой быт «создала природа, кровь; она его поддерживала и им управляла. Оттого совершенная юридическая неопределенность – его отличительная черта. Напрасно станем мы искать в нем власти и подчиненности, прав и

сословий, собственности и администрации. Человек жил тогда совершенно под определениями природы; мысль еще не освободила его от ее ига» [3, с. 19]. Тем не менее, реализация христианского идеала свободной и нравственной личности образует цель исторического развития, достижение которой будет означать окончательный переход к духовной форме социально-исторической жизни.

Итак, закон развития, присущий западным обществам, в своем более глубоком смысле выступает, по Кавелину, как закон духовного развития. Эта конкретизация отражает в мысли реальный переход от древнего западного мира к Средневековью. Поэтому в ходе дальнейшего анализа концепции Кавелина следует помнить, что со стороны исторических реалий, отражаемых в ней, мы стоим на почве германо-славянской истории эпохи феодализма. «Наша история, – писал Кавелин, – представляет постепенное изменение форм, а не повторение их; следовательно, в ней было развитие, не так, как на востоке, где с самого начала и до сих пор повторяется почти одно и то же, а если по временам и появлялось что-нибудь новое, то замирало или развивалось на европейский почин. В этом смысле мы народ европейский, способный к совершенствованию, к раз-

витию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке» [3, с. 13].

В соответствии с учением Гегеля всемирная история представляется как самореализация Абсолютного Духа, развитие которого осуществляется в соответствии с диалектическим законом, по которому тезис сменяется анти-тезисом и они оба находят свое высшее завершение (через снятие) в синтезе [9, с. 104]. В интерпретации К.Д. Кавелина эта схема приобретает следующий вид:

– природно-патриархальный мир, предполагающий господство родоплеменных отношений (тезис);

– семейный мир, основанный на коллективистских отношениях (антитезис);

– мир лично-государственный, которому свойственны высокий уровень нравственности и свобода личности («отрицание отрицания», или синтез).

Государство в духе гегелевской концепции рассматривалось Кавелиным как главнейшая предпосылка развития личности. Он исходил из положения «Философии истории» Гегеля, в котором утверждается: «Государство является осуществлением свободы, т.е. абсолютно конечной цели ... оно существует для самого себя; вся ценность че-

ловека, вся его духовная деятельность существует исключительно благодаря государству» [1]. По мере становления государства, являющегося выразителем общих потребностей народа и в связи с этим разрушающего узкие рамки кровнородственных и общинных союзов, происходят утверждение личности, ее высвобождение из коллективного бытия.

Последовательность «род – семья – личность» (или, что то же, «род – вотчина – государство») – это необходимая историческая последовательность, закон русской исторической жизни, закон исторического развития единого мирового общества.

Либеральные убеждения Кавелина нашли отражение в решении философом проблемы периодизации русской истории. Кавелин, обращаясь к вопросу о необходимой последовательности ступеней в историческом процессе, сформулировал три основных этапа исторического развития: 1) национальный, 2) европейский (оба они характеризуются односторонностью) и 3) новый, органически сочетавший обе тенденции. При осмыслении их специфики он опирался на вотчинную теорию, идею личностного начала и мысль о синтезе самобытности и прогресса в новом пе-

риоде русской истории. Новая историческая схема выступает в форме триадического построения. Результатом диалектического снятия должно было стать, по Кавелину, наиболее полное выявление изначально присущих России черт социально-политической и культурной исключительности.

К.Д. Кавелин находит в первом, допетровском периоде русской истории [4, с. 13] доказательство исходного тезиса концепции русского исторического процесса о способности русского народа к совершенствованию и развитию: 1) среди всех славянских племен только «великорусскому элементу» удалось «основать прочное государство» [7, с. 159]; 2) России удалось утвердить «небывалую социальную формацию, которая не может быть обойдена во всемирной истории, заносащей на свои страницы всевозможные типы человеческих обществ» [5, с. 211]. Вместе с тем, философ считал, что «древняя русская история по своей простоте и правильному развитию принадлежит как бы к области естественной истории», так что создается впечатление, что здесь «не люди делают историю, а она делается сама по себе, без всякого участия человека, по своим органическим, внутренним, непреложным законам» [5, с. 231]. Во втором, послепетровском периоде ситуация

радикально меняется: теперь сознание, мысль, личная инициатива «забегают вперед событий» [5, с. 231] и государство, казавшееся «азиатской монархией в полном смысле слова» [5, с. 229], «европеизируется» – как в чисто внешнем смысле, слепо копируя «европейские образцы», так и внутренне, начав процесс «освобождения» и «раскрепощения» личности и общества от государства. С Петра I государство в России, по мнению Кавелина, стало играть прогрессивную роль. История XVIII – первой половины XIX века рассматривалась им как последовательный реформаторский процесс. Сущностью последнего было проведение в жизнь начала личности, постепенное раскрепощение сословий. Формула русской истории «по-Кавелину» слишком напоминала его собственное «кредо» в отношении общественного развития: «Не подвергая опасности выигранное государственное начало, идти постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим» [7, с. 164].

Однако это еще не является признаком «зрелости» общественного и народного организма. Первой осознала данное обстоятельство русская мысль 30–40-х годов XIX века. А с критики «европеизма» (славянофилами) или

«псевдоевропеизма» (западниками) начался процесс русского национального самосознания, выставивший требование органического «примирения» противоположностей, преодоления разрыва между «древней» и «новой» Россией (в некотором состоянии синтеза). По Кавелину, первым практическим шагом на пути к этому синтезу стала реформа 1861 года, открывшая третий, самосознательно-органический период русской исторической жизни, допускавший и даже предполагавший самобытное национальное развитие русского народа среди других народов европейской цивилизации. Философ обосновывал естественность и даже необходимость существования различных векторов цивилизационного развития, обогащавшего все человечество, предупреждал об опасности неорганического синтеза, ведущего к самым трагическим для судеб страны последствиям. В итоге он стремился, с одной стороны, преодолеть крайности славянофильства и западничества, предложить альтернативную их вариантам модель обновления страны, а с другой – не допустить механического соединения национальной и европейской парадигм. В выборочном органическом соединении элементов национальной традиции и европейской культуры Кавелин и ви-

дел, с одной стороны, предпосылку мирного обновления страны при сохранении национальной идентичности, а с другой – условие воплощения на русской почве общечеловеческих ценностей. Способность России воспринимать новое, не изменяя своей органической природе, являлась в глазах историка залогом ее великого будущего, свидетельством огромного творческого потенциала народа.

Итак, можно утверждать, что основные принципы историософии и методологии исторического исследования К.Д. Кавелин применил к реальному материалу русской истории: 1) единство теории и фактов в отечественной исторической науке; 2) опора на идею закономерного исторического развития национального сознания; 3) тезис о «европейском» характере великороссов (единство исторического развития) и представление о трех этапах исторического развития (самобытном, европейском и новом) (последовательность исторического развития).

Список литературы

1. **Гегель, Г.В.Ф.** Философия истории / Г.В.Ф. Гегель // Собр. соч.: в 13 т. / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. А.М. Водена ; под ред. Ф.А. Горохова. – М. ; Л., 1935. – Т. 8. – 470 с.
2. **Ерыгин, А.Н.** История и диалектика (Диалектика и исторические знания в России XIX века) / А.Н. Ерыгин. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1987. – 219 с.
3. **Кавелин, К.Д.** Взгляд на юридический быт древней Руси / К.Д. Кавелин // Собр. соч. : в 4 т. / К.Д. Кавелин. – СПб., 1897. – Т. 1. – С. 5–66.

4. **Кавелин, К.Д.** Взгляд на юридический быт древней Руси / К.Д. Кавелин // Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М., 1989. – С. 11–67.
5. **Кавелин, К.Д.** Мысли и заметки о русской истории / К.Д. Кавелин // Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М., 1989. – С. 171–255.
6. **Кавелин, К.Д.** Симбирский сборник. Историческая часть. – Т. 1. – Москва, 1845 / К.Д. Кавелин // Собр. соч. : в 4 т. / К. Д. Кавелин. – СПб., 1897. – Т. 1. – С. 682–702.
7. **Кавелин, К.Д.** Краткий взгляд на русскую историю / К.Д. Кавелин // Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М., 1989. – С. 158–171.
8. **Кантор, В.К.** Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры / В.К. Кантор, А.Л. Осповат // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. – М., 1982. – С. 7–41.
9. **Медушевский, А.Н.** Гегель и государственная школа русской историографии / А.Н. Медушевский // Вопросы философии. – 1988. – № 3. – С. 103–115.
10. **Милюков, П.Н.** Юридическая школа в русской историографии / П.Н. Милюков // Русская мысль. – 1886. – № 6. – С. 81–84.
11. **Чаадаев, П.Я.** Сочинения / П.Я. Чаадаев ; [сост., подготов. текста, примеч. В.Ю. Проскурина ; вступ. ст. В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата]. – М. : Правда, 1989. – 655 с.

Печатается в соответствии с решением Ученого Совета ФГБОУ ВПО Тверской ГСХА от 28.01.2015, протокол № 6.

Депонировано в ИНИОН РАН № 61139 от 07.04.2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ
TABLE OF CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
БЕЛОВОЛОВА О.С., ШМАТОВА Е.С. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СТАНИЦЫ МЕЛИХОВСКОЙ НА ДОНУ.....	5
ТЮЛИНА А.В. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕП- ЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ К.Д. КАВЕЛИНА.....	23

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Библиографический указатель

**ДЕПОНИРОВАННЫЕ
НАУЧНЫЕ РАБОТЫ
2019 № 4**

Художник обложки и художественный редактор

М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование

В.Б. Сумерова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 07.10.2019

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 2,5

Уч. изд. л. 1,1

Тираж 250 экз.

Заказ № 152

(1–60 экз. – 1-й завод)

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21

e-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У

